

Шэнь Цинжань перепробовал едва ли не пару десятков различных поз, прежде чем ему удалось с грехом пополам дотащить это громоздкое кресло до дома. На последнем отрезке пути он окончательно выбился из сил, поэтому плюнул на все приличия и просто поволок его по земле.

«И чего ради я так мучился? Надо было сразу волочить», — сердился парень на собственное упрямство.

Пока он предавался этим мыслям, его нога за что-то зацепилась, и он с глухим стуком плашмя полетел прямо на сиденье кресла.

В это же мгновение над его головой с леденящим свистом пронесся резкий порыв ветра. Снаряд невероятной силы, подобно рухнувшему с небес метеору, врезался в спинку кресла. От мощного удара тяжелая деревянная конструкция перевернулась навзничь, намертво придавив Шэнь Цинжаня к земле, словно перевернутую на спину черепаху.

Что вообще произошло?!

Парень, крича и держась за поясницу, с трудом поднялся на ноги. Он был готов поклясться, что там уже наливается огромный синяк.

Сокрушаясь от обиды, он поднял инвалидное кресло и обнаружил, что у спинки откололся изрядный кусок — вещь, которую он только что купил, в один миг превратилась в порченную.

Сердце разрывалось от жалости... Но постойте! Шэнь Цинжань обернулся и уставился на клубы пыли, поднятые упавшим на землю предметом. Лишь сейчас в его голове запоздало вспыхнул сигнал тревоги: «Здесь убийца?!»

Кому вообще могло прийти в голову нападать на него?

А как же Сюэ Фэйфэн?!

Шэнь Цинжань тут же бросил кресло, подхватил валявшиеся на земле ножны, чтобы хоть как-то защитить себя, и с воинственным видом бросился в дом.

Когда их взгляды встретились, оба замерли в глубоком изумлении.

Убедившись, что с мужем всё в порядке, Шэнь Цинжань опустил ножны, а на его лице отразилось полное недоумение. Ему показалось, что мгновение назад в глазах Сюэ Фэйфэна явственно промелькнула неприкрытая жажда убийства, но стоило парню моргнуть, как она бесследно исчезла.

Когда Шэнь Цинжань только вбежал в комнату, Сюэ Фэйфэн решил, что его «супруга» каким-то чудом избежала удара и теперь явилась, чтобы прикончить его. Обнаженный клинок в руках мужчины глухо гудел, выдавая крайнюю степень ярости своего хозяина.

Однако Сюэ Фэйфэн быстро осознал странную вещь: глядя прямо в глаза Шэнь Цинжаню, он чисто физически не может снова поднять на неё оружие.

Ему оставалось лишь с тяжелой, затуманенной головой неподвижно сидеть и наблюдать, как «супруга» шаг за шагом приближается к нему. Несмотря на сильное головокружение и резкую боль в животе, он лишь крепче сжимал рукоять меча, настороженно следя за каждым движением «супруги».

Неужели в этом мире и впрямь существует поговорка: «Один день в браке — сто дней взаимной признательности»?

Сюэ Фэйфэн мысленно усмехнулся с глубоким презрением к этой мысли. Вспомнив того честного парня Ли Фэна, которого он знал в военном лагере, мужчина прикрыл глаза, решив для себя, что попросту не может поднять руку на вдову своего боевого товарища.

Проливать кровь на одном поле боя — значит стать братьями, и здесь не имели значения чины и звания.

Когда он снова открыл глаза, Шэнь Цинжань уже мягко держал его за руку. На его ладони торопливо вывели полные искренней тревоги иероглифы: «В дом забрался вор?»

Встревоженный вид «жены» совсем не походил на притворство.

Губы Сюэ Фэйфэна совсем побелели. Поддавшись безумному порыву проверить свои догадки, он пристально уставился прямо в глаза Шэнь Цинжаню и хрипло произнес:

— Меня отравили.

Шэнь Цинжань от шока округлил глаза, его губы беззвучно зашевелились, и он принялся лихорадочно писать на ладони мужчины: «Нужно позвать врача».

В эту минуту он напрочь забыл о том, что понятия не имеет, где в этой глуши искать врача. Парень уже развернулся, чтобы со всех ног броситься за порог, как вдруг его запястье перехватила сильная, мозолистая рука, покрытая легкой испариной.

— В деревне нет врача.

Шэнь Цинжаня резко дернули назад, отчего он слегка привалился к краю стола. Чувствуя, как его ладонь крепко сжимают, и слыша безнадежные слова мужа, парень ощутил, как от острой жалости у него закололо в носу.

Что же тогда делать?

Шэнь Цинжань опустил взгляд на их переплетенные пальцы, и на его душу навалилась глубокая скорбь.

Эта сцена до боли напоминала моменты из фильмов, когда умирающий перед кончиной сжимает руку близкого, чтобы поведать последнюю волю.

Неужели Сюэ Фэйфэн сейчас умрет?

Заметив, что его «супруга» вот-вот разразится горячими слезами, Сюэ Фэйфэн поспешил пояснить:

— Когда я возвращался в прошлый раз, то случайно прихватил с собой противоядие. — Произнося это, он поймал себя на мысли, что хоть и не понимает, каким образом яд попал в его организм, но внутренне уже полностью уверен: этот человек к случившемуся не причастен.

Шэнь Цинжань мгновенно осушил слезы и сердито вырвал свою руку. Ну что за человек! Зачем так пугать и делать такие драматические паузы посреди фразы?

Почувствовав, как его ладонь внезапно опустела, словно из неё выскользнуло что-то неумовимо

важное, Сюэ Фэйфэн подавил подступившее чувство легкой утраты и тихо произнес:

— Прости. Когда действие яда усилилось, в голове помутилось, и я решил, что во двор пробрался лазутчик. Я не хотел... поднимать на тебя руку.

Сюэ Фэйфэн и сам испытывал легкий внутренний трепет: если бы Шэнь Цинжань не успел вовремя уклониться... Хотя удар тяжелых ножен и не лишил бы её жизни, парень наверняка получил бы тяжелейшие внутренние увечья.

— Прости, — повторил он еще раз, глядя на него. — Впредь подобного не повторится.

Шэнь Цинжань, вспоминая сокрушительную мощь летящих ножен, прибывал в глубоком шоке от уровня боевых искусств своего названного мужа. Разве обычный калека способен на такое? Перед ним определенно сидел калека с поистине великим, непревзойденным кунг-фу!

В его памяти тут же всплыли все обиды, нанесенные госпожой Цай и теми двумя братьями-воришками на поле. Если бы деревенские только знали, насколько силен Сюэ Фэйфэн, разве осмелились бы они так нагло издеваться над их семьей?

Глаза Шэнь Цинжана радостно вспыхнули, и он порывался было тут же пожаловаться мужу на обидчиков, но едва ухватив Сюэ Фэйфэна за руку, вдруг почувствовал себя глупым первоклассником.

В конце концов, он ведь взрослый мужчина, а не настоящая изнеженная женушка этого генерала, жаловаться по каждому поводу было бы совсем не по-мужски.

Он подавил этот порыв и устремил на Сюэ Фэйфэна взгляд, полный искреннего, глубокого восхищения. После чего сдержанно вывел на его ладони: «Если меня кто-нибудь обидит, ты ведь заступишься за меня?»

— Заступлюсь, — мгновенно отозвался Сюэ Фэйфэн, а его взгляд посуровел. — Кто посмел тебя обидеть?

Шэнь Цинжань лишь покачал головой. Получив этот короткий ответ, он уже был безмерно счастлив.

По крайней мере, теперь он знал: если кто-то посмеет к нему лезть, он сможет смело дать сдачи и ему не придется переживать, что эти негодяи в отместку решат сорвать злость на покалеченном Сюэ Фэйфэне.

Успокоившись, он наконец вспомнил о главном и принялся выводить расспросы: «Но как ты умудрился отравиться?»

Сюэ Фэйфэн сокрушенно покачал головой:

— Не имею понятия.

За весь день он не брал в рот ничего, кроме еды, приготовленной Шэнь Цинжанем. Но ведь они всё время находились вместе, ели одно и то же, и раз с «супругой» всё в порядке, то любые другие источники пищи можно было смело исключить. Именно поэтому он изначально и заподозрил ту злосчастную тарелку с тушеной тыквой.

Лицо Сюэ Фэйфэна оставалось предельно хмурым и сосредоточенным. Глядя на него, Шэнь

Цинжань почувствовал, как в его душе шевельнулась острая жалость: надо же быть таким несчастным — мало того, что ноги перебиты, так еще и ядом кто-то умудрился опоить.

К счастью, он как раз принес подарок, которым можно было немного сгладить углы и порадовать мужа!

Парень шустро выбежал во двор и затащил инвалидное кресло в дом, напрочь позабыв о том, что собирался отчитывать Сюэ Фэйфэна за сломанную спинку.

Пусть скорее примерит его покупку!

Завидев странную деревянную конструкцию на колесах, Сюэ Фэйфэн замер в изумлении. Ему никогда в жизни не приходилось сталкиваться с подобными приспособлениями, и он никак не ожидал, что Шэнь Цинжань станет так близко к сердцу принимать его недуг.

Мало того, что «супруга» не попросила у него ни единой монеты на личные нужды, так еще и умудрилась где-то раздобыть средства, чтобы купить для него это кресло?!

Сюэ Фэйфэн был глубоко потрясен. Он перевел взгляд на спинку кресла, от которой не хватало изрядного куска — явный след от его собственных ножен.

Его сердце снова болезненно сжалось: если бы этот удар пришелся по телу самого Шэнь Цинжана...

Она изо всех сил старалась ради него, тратила последние гроши на покупку кресла, а он из-за пустых, необоснованных подозрений чуть было не лишил её жизни.

Сюэ Фэйфэн плотно сжал губы, в его глазах замесались мрачные тени, полные глубокого раскаяния и досады. Посмотрев на Шэнь Цинжана снова, он был вынужден признать самому себе, что в его сердце поселилось гораздо больше тепла и заботы об этом человеке, чем раньше.

Тонкие запястья Шэнь Цинжана, которыми тот бережно придерживал поручни кресла, были чистыми и ослепительно белыми — сразу видно, что этот изнеженный человек в жизни не убирал рис в летний зной и не стирал белье в ледяной зимней проруби. Настоящее хрупкое сокровище.

Взгляд Сюэ Фэйфэна внезапно замер. Он отчетливо вспомнил утреннюю сцену, когда госпожа Цай мертвой хваткой вцепилась в ладонь Шэнь Цинжана, растерев нежную кожу до багровых пятен. В его груди с большим опозданием шевельнулась глухая, яростная злоба на эту деревенскую сплетницу.

Он и сам не понимал, откуда в нем берутся эти странные защитные порывы.

Попридержав взгляд еще немного, мужчина вдруг обнаружил, что с запястий Шэнь Цинжана исчезла пара его привычных украшений.

Сюэ Фэйфэн протянул руку, ухватил парня за широкий рукав халата и бесцеремонно потянул его вверх, обнажая руку до самого локтя. Серебра действительно не было.

— А где твои браслеты?

Эти браслеты были частью свадебного приданого Шэнь Цинжана. Семья Шэнь не могла

позволить себе дорогие золотые украшения, поэтому заказала у мастера пару серебряных браслетов. На тонких запястьях «супруги» они всегда смотрелись на редкость изящно и благородно.

Шэнь Цинжань торопливо вырвал руку и поспешно опустил рукав, стремясь скрыть следы своей внезапной бедности.

Он очень не хотел, чтобы Сюэ Фэйфэн чувствовал себя обязанным или обремененным лишними мыслями, поэтому принялся выводить на столе ложь, будто случайно обронил их в воду, когда мыл руки у реки.

Да и к чему ему, взрослому парню, носить девичьи браслеты? Он и так давно мечтал поскорее избавиться от них.

Сюэ Фэйфэн заметил, как пальцы Шэнь Цинжаня взволнованно и пугливо потирают сколотый край деревянной спинки, и всё мгновенно понял.

Его душу захлестнула волна такого глубокого, искреннего трепета, какого он не испытывал за всю свою сознательную жизнь. «Если тебе дарят персик, отплати за него чистым нефритом».

Шэнь Цинжань сегодня без тени сомнения продала свои последние памятные украшения ради его удобства, а значит, и он сам обязан сделать всё возможное, чтобы обеспечить этой «женщине» достойное будущее.

Он не мог позволить Шэнь Цинжаню всю жизнь провести в этой глуши, деля тяготы с калек. Его собственное положение в империи оставалось слишком шатким и опасным, любой неверный шаг мог навлечь на этот дом отряд безжалостных убийц.

Как только смута в стране немного утихнет, если Шэнь Цинжань изъявит желание, он обязательно подыщет для неё приличную, благородную семью и выдаст замуж со всеми почестями — пусть выбирает хоть из числа самых именитых столичных вельмож и князей.

Однако стоило этой мысли оформиться в его голове, как Сюэ Фэйфэна внезапно пронзил укол глухого раздражения. Сама идея того, что ему придется подыскивать для Шэнь Цинжаня какого-то постороннего мужчину, показалась ему на редкость отвратительной и невыносимой.

Он принялся тщательно анализировать причины этого странного душевного непокоя и вскоре пришел к логическому выводу.

Все эти столичные принцы, графы и генералы, чьи имена гремели на всю поднебесную, на проверку оказывались сплошь бездарными, заурядными личностями, которые только и умели, что плодить вокруг себя толпы наложниц.

Ни один из них не был достоин стать хорошей партией для его «супруги».

«Что ж, с этим делом точно не стоит торопиться», — мысленно успокоил себя Сюэ Фэйфэн, ощутив, как на душе снова стало немного легче.

Шэнь Цинжань бережно помог Сюэ Фэйфэну пересест с кровати на инвалидное кресло и даже сделал несколько пробных кругов по комнате. Ход у кресла оказался на редкость плавным, колеса не застревали на неровностях плит — вещь была сделана на совесть.

Если бы гвардеец Чан Мин увидел сейчас эту картину, он наверняка лишился бы дара речи от

изумления: неужели этот упрямый человек, который еще вчера наотрез отказывался прикасаться к костылям и презирал любую помощь, передвигается в кресле на колесах и выглядит при этом вполне довольным?

Ближе к вечеру Шэнь Цинжань уныло стоял посреди кухни. Грязная посуда после полуденного обеда так и осталась немытой, а на разделочной доске всё еще сиротливо покоилась половина тарелки с той самой горькой тушеной тыквой.

Надо было отдать Сюэ Фэйфэну должное: этот суровый воин умудрился с абсолютно невозмутимым лицом уничтожить добрую половину порции. Во всем мире точно не нашлось бы второго столь преданного и благодарного едока.

Кулинарное мастерство «великого шеф-повара» Шэнь Цинжаня сегодня потерпело сокрушительное фиаско.

Если раньше его еда получалась просто пресной или слегка подгоревшей, то сегодня он умудрился превзойти самого себя, сотворив из ничего концентрированный горький яд.

Что же приготовить на ужин?

Может, просто вынести эту недоеденную тыкву обратно на стол и продолжить трапезу?.. Шэнь Цинжань мысленно пожурил себя за столь бессовестные мысли, но в то же время прекрасно понимал, что как бы он ни старался, конечный результат его стряпни останется примерно на том же уровне.

Как раз в этот момент к нему во двор по какому-то делу заглянула тетушка Чжан. Завидев женщину, Шэнь Цинжань с унылым видом продемонстрировал ей тарелку с остатками тыквы, отчаянно желая расспросить, на каком именно этапе готовки он допустил столь фатальную ошибку.

Вот только тетушка Чжан отродясь не знала грамоты и прочесть его водные иероглифы не смогла бы.

Сюэ Фэйфэн, словно почувствовав душевные метания своего немой «супруги», подал голос из комнаты, придя на помощь:

— Тетушка Чжан, Цинжань очень хочет узнать, отчего эта порция тушеной тыквы получилась столь невыносимо горькой на вкус?

Услышав в глубоком голосе мужа явственные нотки скрытой насмешки, парень густо покраснел и со злостью зыркнул в его сторону.

Однако стоило тетушке Чжан услышать эти слова, как выражение её лица мгновенно переменялось, и она испуганно всплеснула руками:

— Батюшки светы! Да неужто вы её съели?! Горькую тыкву-горлянку ни в коем случае нельзя брать в рот, она же ядовитая! Если съесть слишком много, так и душу Богу отдать недолго!

Оказалось, что этот вид тыквы делится на две разновидности: сладкую и горькую. Сладкая тыква была излюбленным лакомством местных жителей, в то время как её горькая родственница содержала в себе опасный токсин.

Женщина принялась настойчиво расспрашивать: «Да много ли вы успели проглотить?», глядя

на переглядывающуюся молодую супружескую пару с таким видом, словно те были неразумными детьми, способными отравиться средь бела дня на ровном месте.

Опустив взгляд в тарелку, она всплеснула руками еще сильнее: этв молодая девушка умудрился нарезать овощ, даже не сняв с него жесткую кожуру!

Тетушка Чжан принялась истово поминать Будду:

— Надо же было такому случиться, что среди всех плодов на грядке тебе попался именно горький... Да и я хороша, старая, не предупредила тебя как следует. Мне-то казалось, что об этой простой истине в каждой деревне знают.

Шэнь Цинжаню от стыда захотелось сквозь землю провалиться. Он-то, наивный, списал этот ужасный вкус на собственную кулинарную бездарность, решив, что его стряпня достигла пика отвратительности... А в итоге вышло так, что он своими собственными руками едва не отправил Сюэ Фэйфэна на тот свет.

Парень робко засеменил к креслу мужа, зашел со спины и принялся угодливо, с самым виноватым видом массировать его плечи, словно беззвучно умоляя: «Я правда сделал это не со зла!»

Сюэ Фэйфэн почувствовал, как нежные пальцы коснулись его плеч, на секунду замер, а затем мягко перехватил руки Шэнь Цинжана и отвел их в сторону:

— Я не виню тебя, так что не стоит терзать себя напрасными укорами.

Глядя на эти нежные супружеские ласки, тетушка Чжан невольно смутилась — она сама в первые месяцы после замужества не позволяла себе проявлять столько нежности к супругу на людях.

Женщина неловко кашлянула, стараясь перевести тему:

— Я пришла к вам не с пустыми руками, вот, принесла несколько свежих яиц. Все они отборные, из-под хорошей наседки, из каждого непременно вылупится по крепкому цыпленку. Я погляжу, вы всех своих кур в доме уже под чистую извели, так что нужно поскорее вырастить новых, чтобы к Новому году было чем задобрить предков во время праздничных подношений.

Тетушка Чжан изначально планировала дождаться, пока цыплята вылупятся у неё на подворье, и лишь потом отдать их молодым. Но поразмыслив, она решила, что Шэнь Цинжань не может всю жизнь оставаться абсолютно беспомощным в быту существом.

Раз уж они только-только сыграли свадьбу, невестке пора было перенимать все тонкости ведения домашнего хозяйства.

В итоге Шэнь Цинжань был вынужден против своей воли прослушать часовую лекцию на тему «Особенности инкубации и разведения домашней птицы».

Женщина подробно расписывала, как правильно поддерживать тепло в гнезде, как по звуку и свету отличить живое яйцо от замершего плода и как уберечь новорожденных цыплят от сырости... От обилия этой сугубо деревенской информации голова у парня пошла кругом.

Он пребывал в полном душевном смятении, тоскливо думая: «Полноте, разве подобные навыки

не должны быть визитной карточкой главной героини романа? С какой стати я обязан всё это учить? Моя главная цель в этом мире — дожидаться появления настоящей героини, а затем предложить свои услуги в качестве счетовода или управляющего в её лавке!»

Диплом финансиста престижного столичного университета явно намекал на то, что работа головой подходила ему куда больше, чем копание в куриных гнездах.

Тетушка Чжан тараторила без умолку, к тому же её речь была щедро сдобрена непривычным южным акцентом, из-за чего Шэнь Цинжань то и дело упускал важные детали.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как жалобно поворачивать голову в сторону Сюэ Фэйфэна. Его уголки глаз тоскливо опустились, придавая лицу столь жалкий и трогательный вид, что у любого человека дрогнуло бы сердце.

Сюэ Фэйфэн принял этот беззвучный сигнал о помощи, негромко прервав монолог соседки:

— Кхм, тетушка Чжан, вы лучше мне всё это расскажите, я запомню.

Однако женщина лишь окинула беглым взглядом его покалеченные ноги и отрезала:

— Ну уж нет, пусть лучше невестка учится. Тебе с твоим недугом сейчас не до куриных гнезд.

Сюэ Фэйфэн лишь беспомощно развел руками перед Шэнь Цинжанем — мол, тут я бессилен.

Парень был вынужден сокрушенно вздохнуть и продолжить слушать: «...»

Большинство крестьянских терминов звучали для него как иностранный язык. Неужели в этом мире он окончательно превратился в безграмотного дурачка?

В конце концов, под непрекращающиеся покорные кивки Шэнь Цинжана, тетушка Чжан бережно уложила в корзину шестнадцать оплодотворенных яиц и с чувством выполненного долга отправилась восвояси. Было видно, что за эту молодую семью у неё по-настоящему болела душа.

— Если у тебя нет желания возиться с этим, то и не нужно... — Сюэ Фэйфэн хотел было сказать, что они могут попросту выбросить эти яйца, а когда в деревню снова наведается Чан Мин, он просто велит ему купить на рынке десяток крупных, откормленных петухов, которых останется лишь забить да сварить.

«Нет, я сам их выращу!»

Шэнь Цинжань решительно покачал головой, и в его взгляде зажглось упрямое пламя.

Он ведь не знал, что у Сюэ Фэйфэна водятся тайные сбережения, и искренне верил, что из-за его бездонного аппетита дом остался без единой курицы.

Названому мужу после тяжелых травм требовалось восстанавливать силы не меньше трех месяцев, разве можно в такое время оставлять его без наваристого бульона?

Вот только то, что он ровным счетом ничего не запомнил из лекции тетушки Чжан, тоже было чистой правдой.

Из всего потока слов в его памяти отложилось лишь то, что температура для высиживания должна быть примерно равна теплу человеческого тела, а первые цыплята должны пробить

скорлупу ровно через двадцать один день. Но вот как поддерживать эту самую температуру в условиях холодной мазанки...

Парень обиженно надул губы. Это было слишком сложно для него.

Он перевел пристальный взгляд на Сюэ Фэйфэна, затем опустил глаза на его новое инвалидное кресло, и в его голове внезапно родилась поистине гениальная идея.

Тепло человеческого тела... Сюэ Фэйфэн ведь теперь целыми днями будет неподвижно сидеть в этом кресле, верно?

Всё равно ведь сидит без дела... Так зачем тратить драгоценное тепло впустую, обогревая холодный воздух в комнате, если можно использовать его с максимальной пользой для хозяйства? Научный подход и забота об экологии в чистом виде!

Шэнь Цинжань с весьма двусмысленной, хитрой улыбкой протянул руку и аккуратно потрогал крепкое бедро Сюэ Фэйфэна.

Отлично! Этот молодой мужчина так и пылал внутренним жаром, ничуть не уступая хорошей корзине с тлеющими углями. Не теряя времени, парень аккуратно водрузил холщовый мешочек со всеми шестнадцатью яйцами прямо на его колени.

— Ты что задумала? — у Сюэ Фэйфэна в ту же секунду зародилось крайне нехорошее предчувствие.

Шэнь Цинжань по привычке бесцеремонно ухватил его за ладонь и быстро вывел иероглифы: «Высиживай».

Увидев, как лицо сурового воина мгновенно перекосилось, словно того поразил удар молнии, парень обиженно выпятил нижнюю губу: «Сам же только что говорил тетушке Чжан, что готов взять это дело на себя!»

— Я совсем не это имел в виду... — с величайшим трудом выдавил из себя Сюэ Фэйфэн, пытаясь найти хоть какие-то аргументы против этого безумия.

Шэнь Цинжань опустился на корзины перед его креслом, снизу вверх заглянул в его глаза и беззвучно, но твердо дал клятвенное обещание: «Тебе нужно всего лишь сидеть здесь и беречь их. А всю остальную работу по дому с этого дня я полностью беру на себя».

Человек, который к своим тридцати годам не умел делать ровным счетом ничего, без тени сомнения бросался громкими обещаниями.

Сюэ Фэйфэн в страшных снах не мог представить, что великий генерал, перед чьим именем трепетали вражеские армии, на склоне лет докатится до того, что будет работать насадкой и высиживать куриные яйца.

В эту самую минуту его любовь к новому инвалидному креслу заметно поугасла.